

Некрасивая

Некрасивая девочка, наверное, и не могла родиться другой. Когда внутри тебя так много радости, зачем еще и красота. Но яркий внутренне человек, ярк и снаружи – пусть и нестандартно. Сплошная веснушка, и нос – маленькая плюшка, с виду – тоже сплошна веснушка и улыбка тоже сплошная – во весь рот и щеки, правда, зубы немножечко вразной и глаза – тоже немножечко вразной.

Родители наверняка ее очень любили в детстве, покупали яркие гольфики и пушистые платица под стать непослушным кудряшкам, которые никак не хотели заплетаться в косички, а из-под любой укладки всегда выбивался непокорный щенячий пух. Даже очки они выбирали ей яркие, красивые «не как у всех», хотя в те времена одинаковых серых костюмов коричневых платьев с белым передничком, взрослых ботинок и детских туфелек от фабрики «Большевичка».

Конечно, родители с грустью понимали, что на фоне детишек с работы или из соседского музыкального кружка их некрасивая девочка, такая хорошенькая сейчас в своей непосредственности, никогда не станет королевой

выпускного бала или знаменитой киноактрисой. Они тихо вздыхали об этом втайне друг от друга, но никогда не говорили, а только спешили наутро вместе сходить в парк, если был выходной, или будним вечером вместе придумать новую игру, или смастерить игрушку или аппликацию из хрустящей цветной бумаги.

Наутро она обязательно читала всей группе новый веселый или поучительный стишок, который сочинила «почти сама», только с рифмами папа немного помог.

А на прогулке в детском саду самые красивые бабочки и даже стрекозы не боялись присесть ей на пальчик, наверное, потому, что некрасивая девочка никогда не хватала их за крылья, а зимой на ее варежку садились самые красивые снежинки. И снежинки эти удивительно долго не таяли, несмотря на то, что ладошки у девочки всегда были теплые, даже если снять варежки в самый лютый мороз.

Мы, мальчишки все-все с ней дружили и не давали в обиду, но цветы почему-то дарили другим. А она, наверное, плакала из-за этого по ночам. Но почему-то мне кажется, что и слёзы у нее были прекрасные, как хрустальные бусинки. Я много думал об этом потом, когда в очередной раз ошибался в красивых женщинах. Тогда я вспоминал ту некрасивую девчонку, заранее жалел ее, не зная ни о чём. Ведь если бы она стала поэтессой, я бы с удовольствием читал ее стихи. Почему-то вот у таких некрасивых внешне, но светлых внутри девушек всегда получаются красивые стихи...

А тогда, в детстве, наш дом снесли, и мы все разъехались по новостройкам и растерялись на долгие 40 лет. Недавно в книжном магазине я снова встретил ту некрасивую девочку. Теперь она стала очень даже красивой тетушкой. Даже бабушкой. Ведь с ней пришла покупать книжку внучка – сплошная веснушка, сплошная улыбка шире ушей с блестящими брекетами и очки в ярких клоунских дужках над рыжей непокорной челкой.

Красивая бабушка стала женой одного известного летчика, о котором даже писали в газетах, а сама всю жизнь работает в нашем (бывшем нашем) детском садике и, говорят, ежедневно вместе с ребятами месте придумывает новые игры, мастерит игрушки или аппликации из хрустящей цветной бумаги.

Паустовского 2 Всё по понятиям...

Когда к бильярдной на Паустовского подрулили 2 джипа и из них посыпались братки, Хан проворчал:

- Ореховские. Это плохо. Не потянем. Сдавай своего фраера, Колян.

Пашка Бакин почувствовал томительный жим в промежности, однако натянуто улыбнулся и произнёс.

- Ребята, как договорились, я с ними сам поговорю. При вас они меня не тронут. Если не отбазарюсь, пусть ставят меня на счётчик, квартиру отбирают. Главное, чтобы я отсюда своими ногами ушёл, а не в багажнике уехал.

Колян в ответ только угрюмо кивнул и вышел из летней кафешки навстречу братве.

В 90-х Коля Армян был «смотрящим» в Ясенево. Не «в законе вор», но человек авторитетный. Ещё в конце восьмидесятых он сколотил банду из одноклассников, прессовал и ставил под крышу первые кооперативные ларьки, торговцев арбузами и прочую мелкую шелупонь. Потом приподнялся и от имени подольских прибрал к рукам весь район. Выкупил бывшую столовку на Паустовского 2 и решил открыть в ней ночной клуб с кислотной дискотеккой.

С поэтом Пашкой Бакиным его ничего не связывало, кроме общего двора и родной 156 школы, и общее детство с неизбежными драками между Пашкиным классом, в котором учились одни мажоры из чекистской

шестнадцатиэтажки и Колянойкойдой, которую тот сколотил из пэтэушников, проживавших в соседней девятиэтажке, построенной для расселения бараков.

Пашка вернулся из армии в 90-м. Отслужил свои два года в Венгрии, как и положено офицерскому сыну. Но в отличие от одноклассников династию чекистов продолжать не стал и в универ не поступил. Поработал охранником, а потом ушёл делать карьеру в фирме своих более удачливых приятелей, получивших лейтенантские погоны на военной кафедре МГИМО.

Колян к детским дракам относился с улыбкой и по-соседски зазывал иногда Пашку бухнуть или разбить косячок в Битцевском лесопарке. Очень уж ему Пашкины стихи нравились. Позже, когда Колян сел, Пашка посылал приятелю накичу свои первые книжки.

Собственно на таком дружеском перекуре и подарил Пашка Бакин приятелю идею Бильярдной. Дескать, клуб с вывеской ЛСДенс в Ясенево быстро разорится, ибо контингент не тот, а вот бильярдная в мажорском районе будет в самый раз.

Вот сюда-то и прибежал вчера вечером Пашка, поняв, что некий Вобла, помощник сенатора и олигарх, решил не просто поиметь с Пашки упущенную выгоду, но и поиметь самого Пашку в самом конкретном извращенном смысле.

Колян особой помощи не обещал – так, скорее проследить, чтоб все было по-пацански. А вышло вон как. Приехали Ореховские - ребята авторитетные, а Пашка был вольный стрелок и у подольских под крышей не числился. То есть, впрягаться за него Коляну было не по понятиям. Это понимали все.

- Здравствуй, Ренат, - сказал Колян, пожимая руку старшему из гостей. - Я тут вроде не при делах, но вот хочу послушать, как мой сосед отмазываться будет.

Пашка отмазался. Хоть и дрожал коленкой, но был напорист и красноречив.

Когда злые, немного сконфуженные братки покинули VIP-зал бильярдной, Колины пацаны облегченно выдохнули и погрузились в раздумья. Хан схватил бутылку вискаря, молча махнул полный хайбол и уставился на Пашку взглядом разъяренного питбуля.

Первым звенящую тишину нарушил Коля Армян.

- Кто-нибудь понял че это было? - спросил он, потом хмыкнул и со всей дури вмазал Пашке в плечо.

- Такого развода я ещё не видел. Ты же фактически их петухами назвал. И все чётко по понятиям, по полочкам им, по полочкам разложил. Видали, а? Я, говорит, поэт, а не пацан и вашим законам не подчиняюсь. Даже если вы меня в зад отымеете, я под шконкой спать не буду, а буду просто в другой тусовке модный. Но вот ребята правильные меня по беспределу обидеть не дают. А вы приехали на гнойного гомика работать, и кем вы себя ощущать должны, если под пидором ходить станете... Это Ренату-то? Ну, ты писатель даёшь!

Бойцы, будто проснулись, дружно заржали, загомонили, принялись откупоривать так и не початые бутылки, которые Пашка выставил ещё за час до стрелки. Молчал только Хан - второй человек на районе. Так и сидел со стаканом в руке. Потом поставил его и тихо так, хрипло спросил. Спросил так, как умеют говорить только настоящие авторитеты и может ещё редкие учителя в расшалившемся классе. Именно так, что все разом услышали и смолкли. Именно так спросил:

- Скажи мне, писатель. Выходит по твоему раскладу и мы все пидоры? Вписались за левого пассажира, как лохи. А ты, значит, из той тусовки, где на «просто так» играют и чпокаться в дупу не в падлу?

Все снова насторожились, и только Колян с кривой ухмылкой поглядывал на приятеля.

- Ну во-первых, - ответил Пашка. - Я не из той тусовки. И с педиком тем я не чпокался, и ты даже не видел, чтоб я с ним ручкался. Я просто кинул урода при

случае. Мы не на зоне, и ты, когда с кем-то бумаги подписываешь, то его масть не спрашиваешь. Ты же сам слышал, я по вашим понятиям не живу. А вписались вы за меня потому, что, помнишь два года назад, когда вы на летнике Колину тачилу обмывали, он меня сам за стол к вам позвал и сказал... Помнишь, Коль, ты сказал: «Вот сидит пьёт с нами даже не ффраерок, а так, прохожий. По понятиям он никто, но такие стихи пишет, что вы, братва, никому у нас на районе не позволяйте его обижать...»

Коля Армян улыбнулся ещё шире не покалеченной половиной лица.

- Слыхал? И тут развел по понятиям. Хан, да нам бы его в бригаду - кроликов разводить!

Теперь на месте той бильярдной мясная лавка. А большинство персонажей вымышленных и реальных лежат под красивыми памятниками на разных кладбищах или съедены рыбами в Москве-реке. И кто теперь скажет, что было, а что небыль.

Лавочки

Дом Ростовых. Историческое название – Усадьба Сологубов. Описан в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», как дом Ростовых

Адрес: Россия, Москва, Поварская, д. 52. GPS-координаты: 55.757927,37.586595.

Лавочки у Дома Ростовых были замечательные – старорежимные с чугунным литьем, крашеным брусом, седушкой-волной...

Таких в Москве теперь и не сыщешь. А еще в конце прошлого века стояли такие лавки на всех бульварах – длинные, уютные с «линией Акерблома» – прогибом под поясицу.

Сиживать на таких было одно удовольствие. А летним вечером – так и вздремнуть!

Но тут в усадебном дворике на Поварской (бывшей Воровского) лавочки были все же особенные! Ведь полвека, не меньше, простояли они вокруг памятника Льву Толстому, воспевшему этот дом и этот круглый двор в романе «Война и мир».

И кто только не сиживал на этих лавках, пока в нем пребывал Союз писателей СССР и Международный Литфонд. Фадеев, Шолохов, Шукшин и Окуджава не раз протирали эти лавочки своими литературными брюками...

Особенно летом. Когда по соседству в Центральном Доме литераторов – «не сезон» и буфет работает только до четырех, а в знаменитом ресторане ЦДЛ дорого, да и душно. Вот и собирались классики тихими летними вечерами на этих лавочках, принося с собой выпивку и нехитрую снедь.

А что? За распитие в общественном месте не привлекают – закрытая территория, где только свои. Сквозь кованые ворота просматривается только Лев Николаевич в чугунном кресле на постаменте, а лавочки для «живых классиков» – они вокруг, за аккуратно подстриженными кустами.

Славное было место, культовое. А сколько великих книг здесь было задумано и «обмыто» в дружеском кругу собратьев по перу. Сколько переломано тех перьев!

А теперь этих лавочек нет. Не дожили они до нового века. Как Сталин из мавзолея были вынесены в ночи и сгинули в одночасье.

А дело было так.

Как раз на рубеже веков, наш главный киноклассик Никита Михалков был отмечен нелицеприятным скандалом. Мальчишка нацбол закидал режиссера яйцами на каком-то очередном политическом сборище. Никита Сергеевич велел охальника поймать, заломать ему руки и держать крепко. Все телеканалы не раз показали, как

разгневанный небожитель бил беззащитного парня ногой по лицу.

Не мне осуждать старших, но я верю в закон Всемирного Равновесия, закон бумеранга, а по-научному – в закон сохранения энергии.

В общем, будь ты хоть трижды классик, а кто ногой махнет, тот с ноги и получит. Эту теорию подтвердил как-то молодой авангардный поэт Леха Рафиев. Как раз где-то за месяц до исчезновения лавок из Дома Ростовых вышла у Лехи первая книжка стихов в серии Горбачёвского фонда.

Презентовали серию скромненько. Демократично. Собрали в Доме Ростовых, в Союзе писателей, молодых пиитов, пяток журналистов и пару профессоров Литинститута. Пииты прочли по стишку, получили заветные книжки, издатели и писатели их похвал или, да и отправили всех восвояси. Даже без фуршета.

Журналисты, конечно, обиделись, но унывать не стали. С пиитами скинулись, закупились да и устроили свою презентацию на тех самых знаменитых лавочках дома Ростова у кресла Толстого.

С тех пор и повадился Леха проводить вечера в компании пиущей братии на знаменитых тех лавках. Даже укропчик с петрушкой на клубе тайком высадил, чтобы на закуси экономить. Да вот не успел собрать урожай.

В те годы жив был ещё родоначальник династии автор трёх гимнов Сергей Владимирович Михалков. Его бордовая Вольво единственная могла заезжать в этот двор и парковаться у парадного подъезда.

Тем злополучным жарким вечером Леха так увлекся творческим спорами под пиво, что чуть было не упустил момент конденсации.

Вскочил Леха с лавочки, метнулся ко входу в писательский дом и понял, что не успевает, прям, как Наташа Ростова перед входом французов в Москву.

Вот и пристроился Леха между кустиками и автомобилем классика, наматывая струйку на колесо. А тут как раз выходят из парадного подъезда папа с сыном - оба классики.

– Да знаешь ли ты, мерзавец, чью ты машину посмел оросить? – Воскликнул Никита Сергеевич и вызвал мерзавца на бой, приняв боксерскую стойку.

– Я, между прочим, неплохо боксирую. – Заявил киноклассик мерзавцу.

– Ну, тогда держи! – сказал Леха и смачно пробил с ноги. Прямо как недавно классик бил по лицу молодого нацбола. Пробил поэт пенальти режиссеру и убежал.

Вот так опять сошлись удар ногой и яйца.

Сдаётся мне, это был лучший Лехин перформанс.

Только вот лавочки исчезли в ту же ночь. А жаль. Хорошие были лавки во дворике Дома Ростовых.